

УДК 821.161.1-3

МИФОЛОГЕМА СТЕПИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

© Н.В.Барковская

Образ степи рассматривается как одна из ключевых мифологем в русской литературе. Сопоставляются трактовки образа степи, предложенные писателями начала XX и начала XXI вв. Делается вывод о сохраняющемся значении степи как воплощения природно-материнского начала. Показана историческая ограниченность данного мифа.

Ключевые слова: национальный миф, современная проза, женская проза, Г.Щербакова, Г.П.Федотов.

Степь занимает совсем немного места в России. Как сообщает энциклопедия, протяженность степи с севера на юг в Европейской России – около 200 км. Широкая полоса степи простирается от южной Украины по южной части Восточно-Европейской равнины и северу Казахстана к Алтайским горам. Тем не менее образ степного простора широко представлен и в русских народных песнях, и в классической литературе, и в современной прозе. Наполнение образа исторически изменчиво, как изменчив и сам ландшафт, и географические границы стран и регионов. Г.П.Федотов в 1924 г. писал: «Самые устойчивые национальные характеристики приходится пересматривать, перестраивать, потому что мы имеем дело с подвижным объектом, с меняющимся образом. Самосознание народа непосредственно совпадает с его актуализацией. Новый подвиг, новая жертва – и новый грех – влекут за собой новую установку национального сознания» [1: 419].

Но сохраняется и некое вневременное, собственно мифологическое ядро в том или ином национальном образе мира. В русской литературе степь эксплицирует материнское начало, родное, дающее силу. Тот же Г.П.Федотов в работе «Мать-земля. (К религиозной космологии русского народа)» (1935) указывал, что «из всего космоса личное воплощение получает только мать-земля», она же «является хранительницей нравственного закона – прежде всего закона родовой жизни» [2: 74]. Степной образ связывается с оседлой, а не кочевой жизнью; те «герои степи», о которых писал Ю.М.Лотман, это герои, отпавшие от материнской груди рода-домашней земли. Татьяна Толстая в эссе «Триада» настаивает, иронически утрируя, на хтоническом характере русского народного мироотношения. Она соотносит уваровскую формулу с Мировым деревом: верхний мир – религия, средний мир – власть земная, нижний мир – народная стихия. Народность рациональному уразумению не поддается, пишет автор: «И то сказать, кто видит,

что под землей?»; там корни Древа, «там что-то свершается <...> знать этого нельзя» [3: 342-348]. Согласно Т.Толстой, определяющие черты русского народа – сошедшие вместе Удаль, Долготерпение и Авось. Не будем оценивать справедливость столь обобщенной (мифологической) характеристики, отметим, что это – «корни», а питает их мать сыра земля, извечное первоначало. Далее мы обратимся к трактовкам образа степи в женской, в той или иной степени – автобиографической прозе последних лет, чтобы выявить те смыслы, которые получает именно материнская, рождающая, родовая сущность этого пространственного национального образа. Но предварительно коснемся «мужской» предыстории степного сюжета.

В лирическом очерке И.С.Тургенева «Лес и степь» рассказчик-охотник любитесь со стороны прелестной степной картины. В прозе И.А.Бунина степь – поэтичная, но грустная, веющая запусанием, в соответствии с оскудением всего помещичьего уклада. В повести «Суходол» (1911) горячий и мечтательный характер и господ, «столбовых дворян», и двори объясняется властью земли: «Но душа-то и в нем была суходольская, – душа, над которой так безмерно велика власть воспоминаний, власть степи, косного ее быта, той древней семейственности... <...> Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей да вот еще преданиями, прошлым и сильна-то она» [4: 112-113]. Тут нет уже той идилличности, что окрашивала образ степи у Тургенева.

Повесть А.П.Чехова «Степь. (История одной поездки)» (1888) наделяет образ степи обобщенно-символическим значением: это сама страна, стоящая на рубеже, на исторической грани. Сначала рисуется широкий простор, казалось – без начала и конца. Восходит солнце, и утренняя степь, «омытая росой и облаканная солнцем», улыбается, готовится цвести. Но прошло немного

времени, «и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла. <...> Как душно и уныло!» [5: 16-17]. Мотив обманутых надежд дополняется вопросом о бессмысленности существования – через образ коршуна, который вдруг останавливается в воздухе, «точно задумавшись о скуке жизни», и непонятно, «зачем он летает и что ему нужно» [Там же]. Одиноким тополь-красавец вносит мотив пропадающей, ненужной красоты. Родниковая вода весело бежала, «воображая себя сильным и бурным потоком» [5: 20], но чуть дальше растекалась в лужицу, и раскаленная почва жадно выпивала ее. А затем Егорушке слышится песня, словно доносившаяся из-под земли, мальчику казалось, что это пела трава: «...в своей песне она, полумертвая, уже погибшая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то, что она ни в чем не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну <...>; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя...» [5: 24]. После обеда собирается дождь, казалось бы, еще одно усилие, «и степь взяла бы верх», но ожидания не оправдались. Лишь июльской ночью «степь все еще прекрасна и полна жизни <...> все прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью» [5: 45]. И далее следует лирическое восклицание: «...начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные...» [5: 46]. А затем воображение Егорушки поражает широкая, богатырская дорога в степи, и как бы к лицу были этому простору богатыри и богатырские кони! [5: 48].

Тема подвига во имя спасения родной земли – центральная в цикле А.А.Блока «На поле Куликовом» (1908). Г.П.Федотов обратил внимание на неоднородность образов как лирического героя, так и родины. По поводу первого стихотворения он пишет: «Уже этот первый листок лирического пятилистника волнует противоречивостью образов. Где мы? На берегах северной речки или в южных степях? Грусть реки и стогов, скудость глины указывают на великорусский север, близкий и родной поэту. Но кобылица его мнет ковыль! И почему она «степная» (дважды)? Символ степи здесь очень значителен, так как повторяется до пяти раз. Конечно, степь, где «грустят стога», совсем не та степь, где растет ковыль. В первом случае степь взята вместо лу-

гов, но взята умышленно, предваряя основную тему: тоска – печаль северного поля вливается в тоску – страсть южных степей. Эта безбрежная тоска – «твоя, о Русь!» и вместе с тем она «пронзает грудь стрелой татарской воли». Тоска Руси – татарская тоска. Поэт мчится на бой с татарской ратью, неся в груди татарскую тоску по древней, степной воле. Вот основное противоречие, определяющее весь сдвиг образов <...> вся пьеса проходит в трех вариациях основной темы степной тоски. Первая вариация: печаль и верность («жена», «долгий путь»). Вторая – страсть; третья – отчаяние» [1: 419-420]. Основой для выводов о внутренней противоречивости блоковского мифа об истории у Г.П.Федотова служит мысль о «разложении единого образа, озарившего его юность». Герою Блока присуща «готовность к онтологическому отречению от своей личности». Собственно, сам Блок выразился очень определенно, назвав знаменитую статью – «Крушение гуманизма», логически предвещающую «Скифы». Вглядываясь в стихотворение «Новая Америка», Г.П.Федотов обращает внимание на черный провал на месте славянской, черноземной России, «оскудение центра», а далее взгляд поэта устремляется в ковыльные степи Донецкого угольного бассейна [1: 433].

А.И.Куприн в повести «Молох» (1898) отмечал неизбежное разложение прежнего, «родового» строя жизни (не случайно Квашнин покупает любовь Нины Зиненко), а в повести А.С.Серафимовича «Город в степи» (1912) степь как сама природа противостоит строящемуся городу, принимает в свое лоно сумасшедшую Кару, родившую сына от собственного отца: «Великая степь поглотила великую грешницу» [6: 185]. Таким образом, степь по-прежнему воплощает закон родовой жизни, стоит на его страже, карает тех, кто вносит разрушение и хаос.

Оставив за скобками «поднятую целину» и поля сражений Великой Отечественной войны, обратимся к примерам из сегодняшней литературы, снова озаботившейся актуализацией национальных мифов, поисками неких этнокультурных основ.

В книге Галины Щербаковой «Яшкины дети» (2008) собраны рассказы, написанные по мотивам чеховских произведений, но героями становятся «яшкины дети» – потомки того лакея Яши, который уговаривал Раневскую поскорее взять его обратно в Париж. Г.Щербакова в предисловии прямо формулирует «яшкин комплекс»: «...почти природная ненависть к своей матери и родине, демонстративно-холуйская, своекорыстная преданность барину, и одновременно барская заносчивость перед челядью» [7: 11]. В сборнике

три рассказа посвящены степи, все три произведения автобиографичны.

Рассказ «*Степь Украинская*» описывает путь по степи в санаторий для особо ослабленных детей, куда в голодное послевоенное время мама сумела достать путевку и теперь везет дочку в самодельной тачке. По пути девочка полюбовалась татарником, видела огромного паука, «заломившего травинку», спасла ромашку, которую «какой-то трав обмотал». Мама говорит: «Наша степь не для ромашек. Она у нас для сильных и цепких трав» [7: 177]. Девочка твердо знает, что нельзя говорить лишнего, например, что дядя, мамин брат, репрессирован. Расставаясь с мамой, она обещает молчать, «как степь». И степь дает ей свое материнское благословение: «Большая шевелючая степь смотрела на меня. „Живи!“ – выдохнула степь абсолютно равнодушно, и я поняла, что мне выдан какой-то закон степи...» [7: 180].

Рассказ «*Степь Русская*» передает эпизод из юношеской поры, когда героиню, молоденькую корреспондентку газеты, отправили в командировку в поселок Бреды Челябинской области: поступила жалоба на директора интерната для детей-инвалидов. Зима, лютой мороз, пока ехали от станции до села, за санями бежали и выли волки. Утром девушка пошла искать тех людей, от которых поступила жалоба (якобы от директора у девочки-инвалидки родился ребенок-урод, и ее мать требует, чтобы этого ребенка забрали или чтобы директор платил алименты). Дегradировавшие человеческие существа, бессмысленные, уродливые, отвратительные – и не менее убогий быт: «Крошечные, как бы вросшие в землю домишки – просто какая-то насмешка над величием степи, что налево, направо и кругом, и как бы даже сверху. И вдруг я отчетливо вижу, как эта промерзлая насквозь земля дышит, как подымается она и опадает, как тяжело из нее выходит дух, взметая слабенький снежок» [7: 192]. В этой заледеневшей степи вершит произвол «Отец» – как раз тот директор интерната, полномочный хозяин убогих людей («У меня здоровое семя, и я его куда попало не кидаю» [7: 197]). Он советует девушке забыть дорогу сюда, угрожая гибелью: степь мощнее гор, мощнее океана, и не нужно вмешиваться в законы степи.

Параллель к этой замороженной степи можно увидеть в заснеженной тундре, куда сослали из Литвы перед самой войной разнообразный люд: украинцев, поляков, литовцев, евреев, о чем пишет в повести «*Змеев столб*» Ариадна Борисова, опираясь на историю своей семьи. Среди высланных были музыканты, художник, учитель и многие другие. Тундра должна была вытравить из них личное достоинство, стереть индивиду-

альность. «Окраинное» положение определялось для Хаима и Марии в довоенной Литве их непринадлежностью к титульной нации, в качестве «врагов народа» оказались они затем в Якутии, буквально на окраине земли. Автор пишет: «„Акциями“ называли фашисты отрегулированное убийство евреев и цыган. „Большой акцией“ назвал НКВД переселение на окраины страны потенциальных врагов – людей семнадцати национальностей и даже целых народов» [8: 241]. В поселке спецпоселенцев за первую зиму умерла половина людей, от холода, голода, цинги, и первыми умерли дети. В ледяной пустыне над «врагами народа» царит Змей Тугарин, начальник поселения, запойный пьяница, придумывающий изощренные пытки для своих «подопечных». Ему противопоставлен образ пани Ядвиги, старой красивой женщины, благодаря которой в юрте Хаима и Марии никто не умер. Хотя сама Ядвига полагает, что это любовь Хаима и Марии победила смерть, не дала угаснуть очагу в юрте. Помогают несчастным ссыльным и якуты; а тундра одаривает красотой полярного сияния, шаманка спасла замерзшую в пургу Марию. В еще одной повести, основанной на реальной биографии («Сахарный ребенок. История девочки из прошлого века, рассказанная Стелой Нудольской» Ольги Громовой), мама и девочка оказались сосланными в Киргизию как члены семьи изменника Родины. Нечеловеческий быт, тяжелый труд взрослых, голод переносятся девочкой и мамой стоически, они не утрачивают способность к сопротивлению. Степь и ее люди, киргизы, добры к девочке: ко дню рождения Эли в августовской степи вдруг прошли дожди, и степь подарила шестилетнему ребенку темно-красный тюльпан, которым она любовалась сквозь колючую проволоку, пока ударом приклада охранник не размозжил ей нос и челюсти. К середине сентября девочка оправилась и стала подолгу сидеть у проволочного забора, глядя на степь: «Степь жила. Жила своей тайной, пока непонятной мне жизнью» [9: 34]. Девочке было грустно, что степь там, а она здесь, за колючей проволокой. Однажды по ту сторону забора девочка увидела жеребенка, радостно резвящегося вокруг матери. И девочка стала прыгать и веселиться вместе с ним: «Мы оба радовались солнцу и степному простору, хотя и по разные стороны проволоки». Даже огромный пес не тронул ребенка: «И я объяснила ему, что жеребенок мне очень нравится. Что мне тоже очень хочется побегать с ним и что мне здесь плохо <...> Пес все понял <...> Я присела на корточки и рассказала ему, какой он красивый и как было бы славно, если бы мы дружили втроем – он, я и жеребенок» [9: 35]. В этот

момент охранник огрел ее по спине плеткой, и девочка вцепилась зубами ему в палец, отомстив хоть таким детским образом. Мама говорит девочке: «Рабство – это состояние души. Свободного человека рабом сделать нельзя» [9: 36].

Третий рассказ в книге Г.Щербаковой называется «Степь Израильская». Уже не девочка и не девушка, а бабушка едет с племянником и его семьей по пустыне в Израиле и видит тоненькие проводочки у края дороги – по ним поступает вода в пустыню, не нарушая исконную пустынную сущность. «Мне так легко дышится, пустыня спокойна, горда и величава» [7: 203]. И вот на этой дороге происходит случайная встреча с дочерью подруги рассказчицы, уехавшей из России, бросившей и свою дочь, и родителей: «Никакой удивительности судьбы, рядовой русский развал бывшей советской семьи, где нелюбовь друг к другу заложена в основание» [7: 205]. У самой рассказчицы сын с детьми давно работает в Америке, осталось телефонное общение с ним «на проводах раздражения». Встреченная в дороге Жанна уже третий раз замужем в Израиле, она истерично отстаивает свое право на свободную жизнь, но, растревоженная встречей с бывшей соотечественницей и ее рассказами, начинает рыдать в голос – «русская баба, потерявшая себя и во времени, и в пространстве». Рассказчица комментирует этот плач, начавшийся еще в Путивле на городской стене: «В пустыне выла та русская, что способна на раз бросить детей, на два – родителей, на три – выбросить младенца в сортир. И это только часть правды о ней. Вот и кричит в ней вселенский стыд и позор страшнее волчьего воя... Я слышала... Я видела... Я знаю» [7: 210].

Таким образом, согласно мифологии матери-земли, преступление против рода не прощаемо. Степь по-матерински благословляет того, кто спасает ребенка, степь проклинает того, кто ребенка предал; степь может оказаться в руках демонического тирана. Данная концепция исходит из представления об уже существующей этнической общности, гомогенной нации, подобной живому организму. Но и в приведенных примерах видно, что «степь» становится ареной борьбы, располагается между условно «западным» и «восточным» мирами, территориально может относиться к самым разным регионам, входит в состав разных государств. В настоящее время в России проживает около 130 национальностей. «Почвенническая» апелляция к матери-земле в данных условиях создает базу для национализма. Произведения последних лет дают примеры другой общности – солидарности, основанной на личном достоинстве, на самодостаточности субъекта. Так, Ариадна Борисова, поведавшая

страшную историю людей, высланных в Якутию из Литвы, говорит, что в ней самой переплелась кровь разных национальностей: польская, шведская, литовская, еврейская, русская, якутская. Она показывает привязанность героев к родине – Литве, но она доказывает также, что у людей разных национальностей и вероисповеданий в трагическом XX веке общие страдания, нередко – общая смерть. Хаим, предельно строгий в вопросах веры, ест в конце концов налимьи котлеты, иначе он бы просто умер от голода; пани Ядвиг, в ответ на слова одной из женщин, сравнившей ее с Богородицей, холодно говорит, что не верит в Бога (религиозные причины не позволили ей в свое время соединиться с любимым человеком), Хаим и Мария становятся мужем и женой вопреки еврейской и православной церкви. Во вторую якутскую зиму, когда быт стал более сносным, был даже устроен концерт под Новый год, и выступавший там Хаим шутил дома: «Еврей в сопровождении русско-литовско-финского ансамбля поет итальянские песни на якутском мысе!» [8: 372]. Настоящими друзьями для Эли стали жители киргизского аула, она даже исполняла Манас, а неоценимую помощь оказала ей семья раскулаченных украинцев. В книге Линор Горалик «Библейский зоопарк» есть характерный эпизод: «Пока все кругом ведут сложные философские разговоры про израильскую идентичность – все эти Восток / Запад, инновация / архаика, религиозное / светское, пятое / десятое, – израильтяне отлично живут с этой своей идентичностью». Мальчик Даню растет в типичной израильской семье: «...папа у него с Украины, мама – „марокканка“, мамина мама – из польской семьи, а бойфренд папиной мамы – австралиец, до Израиля двадцать лет проработавший в Штатах» [10: 93]. В конце этого же очерка автор задается вопросом: «Какими именно израильтянками считают себя двухметровые эфиопские красотки, охраняющие вход в центральную автобусную станцию Хайфы <...> Какой именно израильтянкой полагает себя очень веселая и очень бойкая русская девочка в длинном бедуинском платье, с огромными звенящими серьгами, готовящая лафы с лабана и заатаром в популярном бедуинском ресторане...?» [10: 100-101]. Разумеется, никто не отрицает значения национальной культуры, о которой так замечательно написал П.Вайль в книге «Гений места», или национальной кухни, любовно описанной А. Генисом в его кулинарной географии «Колобок» (и Л.Горалик увлеченно воссоздает раблезианский культ еды у настоящей еврейской мамы, кормящей своего ребенка). Эти этнические особенности, создающие условия для заинтересованного

диалога культур, не стоит путать с национальными мифами, дающими нередко повод для этнических конфликтов.

1. Федотов Г.П. (Е.Богданов). На поле Куликовом // Современные записки. – Париж. – 1927. – XXXII. – С. 419 – 435.
2. Федотов Г.П. Мать-земля (К религиозной космологии Русского народа) // Г.П.Федотов Судьба и грехи России / избр. труды по философии русской истории и культуры: в 2. т. / сост., вступ. ст. и прим. В.Ф.Бойкова – Т. 2. – СПб.: София, 1991. – С. 66 – 82.
3. Толстая Т.Н. Легкие миры. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. – 477 с. – С. 342 – 351.

4. Бунин И.А. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Правда, 1956. – Т. 2. – С. 110 – 154.
5. Чехов А.П. Собр. соч. и писем: в 30 т. – Т. 7. – М.: Наука, 1977. – С. 13 – 104.
6. Серафимович А.С. Собр. соч. – Т.V. – М.: ГИХЛ, 1947. – С. 71 – 269.
7. Щербакова Г. Яшкины дети. – М.: ЭКСМО, 2008. – 320 с.
8. Борисова А. Змеев столб. – М.: ЭКСМО, 2014. – 384 с.
9. Громова О.К. Сахарный ребенок. История девочки из прошлого века, рассказанная Стеллой Нудольской. – М.: КомпасГид, 2014. – 160 с.
10. Горалик Л. Библейский зоопарк. – М.: Книжники: Текст, 2012. – 160 с.

MYTHOLOGEM OF THE STEPPE IN MODERN RUSSIAN PROSE

N.V.Barkovskaya

The image of the steppe is regarded as one of the key mythologems in Russian literature. The article compares image interpretations of the steppe proposed by writers of the beginning of the twentieth and the twenty first centuries and draws the conclusion about the value of the steppe as the embodiment of the natural-maternal principle. The historical limitations of this myth are shown.

Key words: national myth, contemporary prose, women's prose, G.Shcherbakova, G.P.Fedotov.

1. Fedotov G.P. (E.Bogdanov). Na pole Kulikovom // Sovremennye zapiski. – Parizh. – 1927. – XXXII. – S. 419 – 435. (in Russian)
2. Fedotov G.P. Mat'-zemlya (K religioznoj kosmologii Russkogo naroda) // G.P.Fedotov Sud'ba i grexi Rossii / izbr. trudy po filosofii russkoj istorii i kul'tury: v 2. t. / sost., vstup. st. i prim. V.F.Bojkova – T. 2. – SPb.: Sofiya, 1991. – S. 66 – 82. (in Russian)
3. Tolstaya T.N. Legkie miry. – M.: AST: Redakciya Eleny Shubinoj, 2014. – 477 s. – S. 342 – 351. (in Russian)
4. Bunin I.A. Sobr. soch.: v 5 t. – M.: Pravda, 1956. – T. 2. – S. 110 – 154. (in Russian)

5. Chexov A.P. Sobr. soch. i pisem: v 30 t. – T. 7. – M.: Nauka, 1977. – S. 13 – 104. (in Russian)
6. Serafimovich A.S. Sobr. soch. – T.V. – M.: GIXL, 1947. – S. 71 – 269. (in Russian)
7. Shherbakova G. Yashkiny deti. – M.: E'KSMO, 2008. – 320 s. (in Russian)
8. Borisova A. Zmееv stolb. – M.: E'KSMO, 2014. – 384 s. (in Russian)
9. Gromova O.K. Saxarnyj rebenok. Istoriya devochki iz proshlogo veka, rasskazannaya Stelloj Nudol'skoj. – M.: KompasGid, 2014. – 160 s. (in Russian)
10. Goralik L. Biblejskij zoopark. – M.: Knizhniki: Tekst, 2012. – 160 s. (in Russian)

Барковская Нина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

620017, Россия, Екатеринбург, ул.Космонавтов, 26.

E-mail: n_barkovskaya@list.ru

Barkovskaya Nina Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Methods of Teaching, Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.

26 Kosmonavtov Str., Yekaterinburg, 620017, Russia

E-mail: n_barkovskaya@list.ru

Поступила в редакцию 20.03.2015